

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

РУССКИЕ ГОЛОСА

Это было в конце восьмидесятых, ещё при советской власти. С творческой бригадой меня пригласили на большое пассажирское судно, которое стояло в волжском затоне и служило пансионатом на воде. В бригаде был профессиональный филармонический певец, филармонический музыкант-баянист, но были и самодеятельные артисты. Среди них две женщины. Удивительные женщины!

Внешне они были чем-то похожи. Обе пышнотелые, но всё в норме, без избытка веса, обе русоволосые, светлоокие, с круглыми полными щёчками. Они как будто были иллюстрацией провинциальных красавиц, уже бальзаковских лет. Имена их подзабыл, каюсь; имена были простые русские.

В концерте они пели что-то из советской классики. Всего репертуара не помню, но, по-моему, прекрасные песни своего земляка Бориса Мокроусова, того, кто написал знаменитую «Сормовскую лирическую». А вот вечером в скромном застолье, когда наша творческая бригада осталась в зале, где и проходил концерт, они выступали по-другому...

Я наблюдал за ними, они сидели напротив, и чувствовал, что они хотят петь. У них как будто на душе что-то накипело, и ему не терпелось вылиться в песне. Стесняться особо им бы и не пришлось: профессиональный филармонический певец сразу после выступления уехал обратно в город Горький (тогда город ещё так назывался, а не Нижний Новгород). И вот, улучив подходящий момент, когда в застолье настала пауза, они запели. Все, кто был рядом, наверняка знали многие массовые песни и голосисто и дружно спели бы «Огней так много золотых...», или «Ой, мороз, мороз...», или что-нибудь из военной песенной классики. Но тут поддержать исполнительниц никто не мог. Они пели своё, особенное.

Это были не знакомые мне песни. Самобытные мотивы, самобытные слова. И хотя все эти мотивы и слова вполне вписывались в русский песенный фольклор (текстов старинных русских песен я немало перечитал, учась на филологическом факультете Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского), однако подобных песен я ещё не слышал.

Певунии исполняли свои заповедные песни-баллады слаженно, отточенно и в то же время как-то не профессионально, по-народному. Голоса у них были с красивым тембром, чистыми, но не оперными, не консерваторскими. Они были живыми, возможно, с некоторыми нотными огрехами, но вдохновение и искренность, и даже душевная обнажённость и переживательность, доводившая самих певуний чуть ли не до слёз, были главными в их исполнении.

О чём рассказывали эти удивительные по красоте песни? Да всё о том же! О женской любви и печали, о женской радости, о детях, о красном солнышке, о самовыражении человека в природе, где и плакучая ива, и тихая, в зелёном трепетном платьице берёзка, и куст шиповника, и, конечно, дорога, тропа, тропинка, родная околица, и где-то далеко — милый друг...

Всё это, вплетённое в напевный мотив, создавало цельную красочную картину, где есть родимое село, зелёный угор, рожь золотая, речка в ивовых

берегах, и девица, что птица, и “родна матушка”... В их песнях непредсказуемым переливчатым колоритом создавался образ того прошлого мира, который был, казалось, забыт, но оставался вечен — так вечна любовь матери к сыну, любовь мужчины и женщины, и вечен трепет в сердце человека, любящего свой дом, родину, голос своей избранной.

Они пели самоупоённо, нежно. В голосе не было никакой натужности и крикливости, голосовых завитушек, ойканий и вздохов, на которые подчас падки исполнительницы народных песен или некоторые псевдонародницы. Никто в нашем застолье не смел их остановить — это и был настоящий концерт дуэта. Завершив одну песню, точнее сказать — композицию, они тут же, после краткого передыха, без пустых слов меж собой, кивали друг дружке и начинали новую песнь. Мелодия чуть отличалась от предыдущей, да и слова по настрою и теме отличались, но едиными были задушевность и вдохновение, которые слушателем и ценимы.

Окружающие смотрели на них зачарованно, и теперь уж было понятно, почему они оказались в этой творческой бригаде, почему организатор не побоялся их выставить на концерте с профессиональными исполнителями. Они и были в этой творческой бригаде изюминкой — изюминками! — хотя не имели музыкального образования. Самыми главными были здесь русская песня и душа.

Час наступил уже поздний. Но, казалось, они не могли остановиться. Репертуар у них оказался бесконечен.

Иллюминаторы были открыты, и, выйдя на палубу, уже ближе к полуночи, под звёзды, которые слоились гроздьями над Волгой и расстилались по застывшей глади реки отражением, я уже отдалённо всё слушал и поражался им, этим очаровательным женщинам, а вместе с тем и народным сотворителям русской песни, этого уникального богатства России.

Позже я спрашивал у певуний: откуда у них такие незаурядные песни? Они несколько смущённо объясняли мне, что в их районе (запомню, какой это был район нижегородского края) эти песни пелись и передавались из поколения в поколение.

...Моя матушка, Лидия Семёновна, родившаяся в деревне, очень любила петь. На домашней работе, во время прогулки, а уж особенно, если мы шли в лес по грибы или ягоды; тут она пела *вовсю*, никого не стесняясь, впрочем, в вятских лесах не было многолюдно от грибников и ягодников: леса-то бескрайние. Пела она в основном советские песни. Знала несколько старинных русских песен, но мелодичность советской песни ей была более близка, понятна. А ещё она знала множество частушек.

Частушки я собирал для сдачи курсовой работы по фольклористике, и хватило частушек матери для написания этой работы. Впоследствии частушки я записывал и у других родственников и знакомых. Их набралось очень много, и я задумал небольшую книжку “Частушки на Вятской вечерке” для Волго-Вятского книжного издательства. Книжка, к сожалению, не вышла. Начинался разгул или угар перестройки, и уж тут было не до частушек и народного творчества.

Попутно скажу, преподавателем по фольклору в Горьковском университете был профессор В. Н. Морохин, замечательный человек, собравший у себя на кафедре огромный систематизированный архив нижегородской фольклористики. Где теперь этот архив? В каком состоянии? Факультет из старого здания переехал. Но в новом здании, насколько мне известно, архива фольклора нет... А ведь это кладёзь!

Не удержусь, приведу несколько частушек из своей неизданной книжки:

*Прихожу я на гулянье —
Моя милка занята.
На колени посажена,
Правой ручкой обнята.*

* * *

*У милёночка избёночка,
Избёночка — не дом.
Кабы я была не дурочка,
Не думала б о нём.*

* * *

*Пожила бы в этом доме,
Поносила бы воды.
Несчастливые ведёрышки
Несу, да не туды.*

* * *

*Не за любимого пошла,
Любимого оставила.
Пока стояла под венцом,
Вся свеча растаяла.*

* * *

*Я девчоночка бедна —
На мне кофточка одна.
Я на то надеюсь,
Плясать пойду — согреюсь.*

Эх! Сколько энергии, силы, красочности в простом русском слове! Можно легко представить эту бедную девчоночку, без труда описать её: рост, цвет волос, глаз... Легко представить “кофточку” на этой озорной, неунывающей девчоночке, даже услышать стук её каблуков на вечерке.

Или вот ещё одна:

*Запрягите мене лошадь —
Я в село скатаюся.
В церкви Богу помолюся,
С милой повидаяся.*

Здесь фактически в одном предложении заключена целая судьба молодого деревенского человека, который мечтает поехать в село (церкви строились в сёлах) в церковь, где встретится со своей милой. Здесь есть всё: настроение, смысл, грусть, надежда. Можно легко понять, о чём будет молиться этот человек.

Богато, неисчерпаемо и точно русское слово!

И особенно в песне, в стихе. А ещё в русском слове есть таинство, божественная простота, нет натуги, форса... Эта натуга, форс, оригинальничанье очень присущи бездарным и особенно русскоязычным поэтам, которые пыжались из русских слов, которых не чувствуют, сплести этакую формальную заумщину. Но без любви к русскому слову, без его глубокого понимания всё у них то иронично и ёрнически, то напыщенно и грузно, то манерно, с выкрутасами, словно хотят ухо почесать через колено. А образа-то и душевности нет!

... О народных песнях двух волжских исполнительниц мне вспомнилось уже в начале 90-х, когда я приехал в Москву на Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького. Лекции нам читали прекрасные профессора, упомяну их имена: А. И. Горшков, А. С. Орлов, Л. И. Скворцов, Е. Н. Лебедев, В. П. Ерёмин. А один из курсов вёл Ашот С. (по-моему, он был доцентом). Уже на первой лекции я понял, что это даже не курс, а вольная болтовня преподавателя, который представился “русским поэтом” и переводчиком. Я не особо и прислушивался к тому, что он тараторил с немалой долей бахвальства и “яканья”, но когда он заговорил о песне, настроился. Он рассказывал, что у них, на Кавказе, бесподобно поют свои песни горцы, и тут же утверждал, что в России такой глубокой традиции нет. Вульгарно и пошло он привёл пример: “Что у нас поют в застольях? “Шумел камыш, деревья гнулись...” Вот и всё...”

И хотя в аудитории сидели люди уже с жизненным и творческим опытом, члены Союза писателей, никто как-то не среагировал на это оскорбление. Я не выдержал. Остановил его. Я хотел ему сказать: “Что ты несёшь?!” Но сдержался. Зря в общем-то! Вежливо, но твёрдо я сказал: “О чём вы говорите? Вы судите о русской песне, а сами даже, выходит, представления о русской

песне не имеете! Об истории этой песни!” Я привёл ему строку из Николая Рубцова: “И пенья нет, но ясно слышу я // Незримых певчих пенья хоровое...”

Николай Рубцов смолоду понимал ценность русского напева, народного слова, мотива, он слышал даже в безмолвии многовековую русскую песню.

После этого Ашот С. прекратил говорить на песенную тему, впрочем, больше ни разу на его лекциях я не появлялся.

Но самое интересное и вызывающее: он ведь представился нам как “русский поэт”, автор нескольких поэтических книг. Кстати, я не называю его имени только потому, что он недавно умер, а стало быть, не сможет мне возразить... О его смерти я узнал, когда писал эту статью; проверил, жив ли этот преподаватель? Оказалось, нет. Но в энциклопедии опять же чёрным по белому было написано: “Ашот С. Русский поэт”... Боже! Но в той же энциклопедии написано, что я “советский российский писатель”!..

После описанной мной лекции Ашот С. смотрел на меня косо, будто я разоблачил его, будто он украл имя “русский поэт”... .

Эх! Сколько их, называющих себя русскими поэтами, но никакого отношения не имеющих ни к русской нации, ни к поэтическому русскому языку, ни к русскому мышлению, а “русский” нужно таким для престижа, для хвастовства – марка всё-таки мировая... .

Пример с русской песней, когда человек явно нерусской крови, не русской культуры, называющий себя русским поэтом, не знает, не понимает, не может даже оценить богатство русской народной поэтической и песенной мысли, являет пример той вульгарщины, русофобии, которая процветает в столичных “интеллигентских” кругах.

С годами я почти безошибочно научился определять русскость автора. Я отличу по сборнику стихов, по книге прозы, кем написаны строфы или абзацы: русским или русскоязычным автором... . Каким бы “русским” его ни называли, каким бы “русским” ни назывался он сам.

...О фольклоре я никогда не забывал, не то чтобы собирал методично и регулярно, но, если попадались, записывал разные вятские словечки, выражения, шутки, в итоге их набралось несколько десятков – тех, которые не встречаются в “Словаре В. И. Даля”. Эти слова и словарные к ним статьи с примерами из прямой речи простых людей я предложил профессору Сорокалетову Фёдорову Павловичу (ныне покойному) в Пушкинский дом, он был в прежние годы бессменным составителем “Словаря русских говоров”.

От него я тут же получил письмо, которое сбереглось до сих пор. (К сожалению, многие письма потерялись: переезжал много, менял квартиры, города...) А это, на счастье, сохранилось. Оно очень примечательно.

“Уважаемый Евгений Васильевич!

Спасибо Вам за письмо и за обещание прислать нам записанные Вами диалектные слова. Мы с радостью и благодарностью примем этот дар. В ближайшем выпуске “Словаря русских говоров” этот дар будет включён в число источников словаря.

Среди таких источников у нас числятся приношения А. Н. Островского, П. И. Чайковского и других деятелей нашей культуры. Диалектология всегда жила и развивалась в тесной связи с ценителями и хранителями русского народного слова.

С уважением, Сорокалетов. С. -Петербург, 20.7.94 г.”

Несколько диалектных слов из своей подборки приведу.

“ЗАУМЁР” – сильно, страшно, непереставаемо; обычно в сочетании с глаголом “кашлять”. “Всю ночь кашлял заумёр”. “Спасу нет – заумёр кашляет”.

“ИЗДОБЁЛ” – упрямый, угрюмый, нелюдимый человек, смотрит искоса, исподлобья. “Вот издобёл! Никогда не поздороваётся и людям в глаза не посмотрит”.

“КОПСЯ” – нечто маленькое, незначительное, можно употребить по отношению к человеку. “Какую копсю ты от него хочешь?” “Такая копся, а сидит важничает”.

“ПАЗГАЛО” – рот, глотка. “Ты чо пазгало разинул?” “Напился пьяным и пазгало своё дерёт”.

“ПАСТУХМЯНЫЙ” – словоохотливый, общительный, радушный. “Пастухмяная девушка”. “Паренёк встретился пастухмяный – всё мне про свою деревеньку поведал”.

“ХОЛНУТЬ” – производить звуки, шумы, шорохи; обычно с отрицанием. “В лесу никто не холнет – тишь”. “Я так славно спала: на сеновале-то красота – никто не холнет”.

А теперь снова вернёмся к песням.

...Лились над Волгой голоса двух русских красавиц. Необычные песни, с вековой историей. Конечно, с годами слова этих песен, мотивы стёрлись в памяти, но осталось обаяние, настроение от этих глубоких незабываемых песен да какое-то чувство удивления и гордости за то, что простые люди, в прошлые века почти сплошь безграмотные, создали без барских подсказок, без французских и немецких гувернёров такое богатое устное народное творчество. Преподнесли свой урок!

...Пушкин! Он ведь учился не только у Байрона, но и у Арины Родионовны. И не только Пушкин, а тысячи русских литераторов, композиторов, исполнителей слушали и учились – стремились постичь таинство русского слова, русской напевности, русского смысла, вобрать в себя что-то едва уловимое, но, безусловно, отличительное, русское, что неподвластно всяческому русскоязычным имитаторам, не любящим по-настоящему ни русского народа, ни русского языка, даже, наверное, страдающим оттого, что приходится писать на русском.

На центральном Первом канале ежегодно гудит шоу “Голос”. Ведёт его известный супермен, кривляка, острослов Нагиев. В жюри – Градский, Агутин, Билан, Лепс, Пелагея... Как-то чувствуется, что русских не очень много. А что поют? Почти сплошь английские песни! Их даже в основном не поют, а прокрикивают, это называется “ором берут”... Для западной сцены, что ли, готовятся? Вы сперва на своём языке научитесь петь!

Конечно, это – шоу: тут главное, чтобы миллионы телезрителей развлекались и кушали рекламу... А где ж голос-то?! Даже победители куда-то вскоре теряются, исчезают, будто становятся безголосыми. И это в огромной России, где столько талантливых людей! Где даже есть особенный телеканал “Культура”, который от национальной русской культуры, от российской провинции почему-то очень далёк...

Как ни странно, в провинции Москву не любят, вроде и не столица России, а некая метрополия. Москва, по мнению многих провинциалов, всю Россию обратила в колонию, из которой выкачиваются ресурсы. В русской провинции нет издательств, рушатся библиотеки, задыхаются от бедности театры, а песенная культура невольна и подчинённо настроена по московскому камертону... Но и сама Москва нос воротит на Запад. Вот и идёт оскудение, а подчас и вытравливание русской культуры, культуры русского хорового пения и вокала.

В последнее время появилось немало “знатоков” русского языка, которые всячески его оскопляют, выдают за язык варваров, подменяют славянскую суть, красоту, напевность и сложность русского языка матерщиной и смесью наречий азиатчины. А ещё недавно – думаю, для многих соотечественников советский период не забылся – шёл и другой процесс. Исследователи чаще всего говорили о богатстве и неповторимости русской устной и письменной речи. О том, что благодаря русскому языку другие народы стали известны в мире.

Причём многие исследователи русской культуры и языка не были по национальности великороссами. В этом нет никакого парадокса. Во-первых, русские люди, порой забывая о своих святынях, дотошно исследовали святыни чужестранные, а во-вторых, русский человек находится в своём языке как рыба в воде, в своей стихии, поэтому исследователю “со стороны” всё легче замечать и систематизировать. Или иное сравнение: приезжают в деревню дачники из города и охают да ахают, увидев местные красоты, а местный житель в этих красотах постоянно находится, может, оттого и не всегда их по-настоящему оценивает.

Но теперь иная мода, направление, ориентиры, уклон, а попросту говоря – “тренд” (так уж любят наши высокие чинуши это словечко, чтобы проявить свою англограмотность и подкованность). И “тренд” этот – подленький: не гордиться, а чураться всего русского.

...В начале 2000-х в Москве резво начало работать немецкое издательство “Амадеус”, выпускающее доступные по цене книги на русском языке (аналог таких книг есть в Германии). В нём у меня вышло две книжки в мягкой обложке: повести “Женское счастье” и “Южный крест”. Тиражи были по современным временам огромные – по 30 тысяч экземпляров.

Однажды в издательстве мы разговорились с немцем, издателем книжных серий Йохимом (если не путаю имя). По-русски он говорил хорошо. А речь пошла о языке, вернее – о богатстве, своеобразии русского языка. Он сказал мне, что на Западе, в Европе, уже нет такого, чтобы автор заботился о красоте, изысканности своего произведения и уж тем более о насыщенности какими-то фольклорными словами своих произведений. Главное – автору нужно донести свои мысли, чувства, а язык – некий нивелированный, усреднённый. Йохим был уверен, что и у нас в России придёт время, когда богатство языка не будет критерием для произведения. Останется стиль авторский, особая тональность, но все красоты языка будут не востребованы, да и современными авторами уже будут утрачены некоторые заповедные глубины русской литературной речи: текст упростится, и русские тексты вольются в число европейских литературных образчиков. Повальная глобализация!

Йохим оказался в общем-то прав. В общем-то... Среди критериев современных литературных произведений о богатстве языка, самобытности изложения говорить не стали (точнее – большинство критиков), но и вытравить, опростить, отчистить напрочь от диалектов и фольклора русские тексты всё же не удалось. Речь тут не идёт о насильственном нагнетании просторечных словечек или каких-то придуманных на их основе слововыражений. Правда, у нас немало писателей, которые увлекаются псевдодеревенским слогом, который по сути – модернистский, авторский, стилизованный под народный. Многие помнят, наверное, ненапрасное насмехательство Ильфа и Петрова: “Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку...”

Оригинальничанием в деревенском ключе, народном стиле увлекались многие литераторы еще с XIX века. Искали себя в русском слове – и, к счастью, превосходно нашли! – великие писатели века XX-го: Л. Леонов, А. Платонов, М. Шолохов, И. Шмелёв... Особо скажу о Василии Ивановиче Белове, у которого язык народный удивительно органичен и чист. Пробовали свои силы на этом поприще и многие русскоязычные авторы. Экспериментаторством в народном ключе увлекался А. Солженицын.

Два слова о солженицынском “Словаре языкового расширения”. Вот тут и весь Солженицын! Характер выскочки и всезнайки у него не отменить. Взялся учить народ языку. Стал заниматься языковым сочинительством, не понимая, каким образом формируется язык – и разговорный, и литературный... Жаль, что этот господин не получил достойного филологического образования, не усвоил некоторые истины языка. Навязать русскому языку ничего невозможно! Словарь Солженицына пылится невостребованным. Впрочем, не только словарь, но и большинство его пухлых опусов. Кстати, “учить жизни” он пытался всё время; была у него ещё бредовая телепередача: “Как нам обустроить Россию”. Обустройщик! Который был фактически антисоветским-антироссийским рупором Америки и призывал не медлить с войной против нашей страны. Фигура лживая, с исковерканным сознанием и писательским языком. Какой-то дурень и неуч его ещё в школьную программу засунул. Вместо того, чтобы представить школьникам, светлым детским сердцам, богатейшее устное народное творчество.

Но не всё так плохо. Где-то есть на просторах моей России, моей милой Родины, настоящие певуны – те, кто бережёт народные песни, стихи, сказки, кто воспринимает их особенным чутьём, пропитываясь русским духом, русским талантом. И являет нам пример!

Соотечественники! Всегда помните, что за нами неизбежно витает русский голос, который не затмят, не закричат английскими текстами конкурсанты из разных шоу, не опорочат с телеканалов так называемые “деятели культуры”, прикормленные вороватыми либеральными иудами.

В этой статье я затронул, преклонился перед песнями лишь Волго-Вятского родного пространства. А Россия преогромна! Южнорусские песни, казачьи, сибирские... Читатель и сам может продолжить.